

УДК 338.45(571.1/.5)(091)

Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Часть 1

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу книги Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России». Проанализированы наиболее спорные разделы, суждения и выводы работы.

Ключевые слова: СССР, Россия, Сибирь, Дальний Восток, Север России, индустриализация и система расселения восточных районов России, будущее восточных регионов страны.

В российской истории тема присоединения и освоения Сибири принадлежит к разряду вечных. Основное внимание уделяют ее разработке сибирские исследователи. Это, так сказать, взгляд на проблему изнутри, или даже снизу. Определенный интерес она имеет и для исследователей из Центра, или, как сейчас говорят, – «федералов», это взгляд сверху. Иногда сибирская тематика становится предметом изучения и осмысления зарубежных исследователей, или взгляд со стороны. Такие работы редки, поэтому они неизбежно становятся предметом обсуждения отечественных ученых и общественности. Как показывает практика, мнения читателей обычно разнятся, а иногда являются и диаметрально противоположными. Это естественно, как и нормально то, что взгляд зарубежных коллег на нашу сибирскую действительность обычно достаточно критичен.

В ряду подобных исследований находится книга **Ф. Хилл и К. Гэдди Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России : пер. с англ. М. : Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 328 с.** Работа на языке оригинала появилась в 2003 г., но была переведена на русский и издана позднее.

Книга интересная, читается легко и рассматривает в широкой и темпоральной панораме экономические, географические, климатические, экологические, исторические и политические аспекты освоения северных и азиатских территорий России. Книга стандартного объема, выполнена в соответствии с формой и структурой научного издания. Материал структурирован в десять глав, имеет пять приложений, примечание, солидную библиографию на трех языках и предметно-именной указатель. В тексте книги авторы неоднократно пишут об отсутствии у них иной цели, кроме исследовательской, и желании помочь нашей стране избавиться от своего мрачного, ошибочного и бездумного прошлого. Отдавая должное действительно большой и непростой иссле-

довательской работе, выполненной авторами, хотелось бы указать на отдельные моменты, противоречащие этим заявлениям.

Ф. Хилл и К. Гэдди подняли такой массив проблем, что аргументированный, опирающийся на источниковую базу анализ их работы потребует написания встречной книги, где на приведенные факты давались бы иные факты и иная интерпретация. Но жанр рецензии позволяет этого не делать, поэтому буду краток, останавливаясь на наиболее спорных моментах.

Работа начинается с пространного эпиграфа из Перси Биши Шелли, смысл которого сводится к тому, что пески времени засыпают былые гордыни. И авторы на протяжении всей работы придерживаются этого лейтмотива и пытаются доказать, что весь XX в. русские тешили свою гордыню, и прежде всего, в освоении северных и сибирских территорий, но теперь все пошло прахом и следует признать это заблуждением. Кроме этой констатации, дан и ряд советов, как это лучше сделать. Эта работа не ведет читателя путем поиска истины и сомнений в правильности выводов, а изначально провозглашается конкретный тезис, изложенный в эпиграфе, и делаются попытки с различных сторон его доказать. Справедливости ради, следует сказать, что Ф. Хилл и К. Гэдди периодически приходят к выводам, противоречащим начальным постулатам, но уже через абзац, как ни в чем не бывало, игнорируют свои же, но неудобные им выводы.

Значительное место в книге уделено проблеме насильственной миграции в Сибирь. Так, в первой главе «Масштабные ошибки» и в следующей «Размер имеет значение» определяется, что эти процессы были инспирированы и организованы государством и, по мнению авторов, оно и должно вывезти людей обратно. В этом есть свои резоны, и это в определенной степени делается. Однако естественное развитие отъездных процессов, происходящих за Уралом, демонстрируя наличие оттока населения на иные территории, не привело к принципиальному исходу населения. А ведь прошло уже 20 лет, и его большая часть, вступившая в активную деятельность в постсоветский период, продолжает жить и работать здесь же. Следовательно, для значительной части населения эта проблема не является актуальной, а организовывать насильственное выселение в никуда, хотя и более теплое, не представляется логичным с любой точки зрения.

Если же мы посмотрим на численность реально проживающих здесь людей, то в сравнении с советским периодом его сокращения практически не произошло. Взамен отъезжающих, как правило, не коренных сибиряков приезжают рабочие из бывших советских республик и стран дальнего зарубежья. На мой взгляд, на территории Сибири сложилась устойчивая слабо негативная демографическая ситуация, никак не обусловленная насилием со стороны государственной власти, а определяемая свободными, реально существующими социально-экономическими обстоятельствами, резко вмешиваться в которые нет резона.

Ф. Хилл и К. Гэдди постоянно придерживаются известной стратегии, сводимой к сентенции: «Главное не факты, а их интерпретация». Вот и в главе девятой они пишут: «Как свидетельствуют аналитики, наиболее интенсив-

ный всплеск миграции отмечался в 1992 г., непосредственно после развала Советского Союза. Хотя темп эмиграции и снижался из-за восстановления политических барьеров на пути миграции и хотя переселиться куда-нибудь в Российской Федерации становилось все сложнее, тот факт, что массовый исход подобного рода действительно произошел в начале 1990-х гг., был важным и своевременным сигналом со стороны рынка и свидетельствовал о том, что большая часть производства в этой части страны находится в упадке. Такой сигнал должен был быть, но не был замечен ни региональными, ни центральными властями» (с. 200–201). Сигнал о чем? Всплеск выезда в этот период действительно был, но не потому, что пала власть КПСС, и людям позволили выехать, а потому, что встали заводы и фабрики, и работать стало негде. Какой рынок был в стране создан в начале 1990 гг.? Какие политические барьеры против выезда из Сибири были созданы в 1990-е гг. – годы анархии и беспредела? Кто сейчас противодействует выезду? Просто оставшиеся научились жить в новых условиях, а после 1998 г. началось восстановление народного хозяйства и в теплых, и в холодных районах страны. И сейчас именно рыночные, в широком понимании этого слова, а не единственно политические процессы определяют темпы миграции и эмиграции в России.

Авторы поднимают и ряд дискуссионных тем. В частности, они пишут: «Окончание эпохи советских субсидий было одним из главных факторов, послуживших причиной подобного исхода» (с. 201). Безусловно, дотации составляли один из важных механизмов управления народным хозяйством в Сибири и северных районах, но это была жизнеспособная модель. Она рассыпалась не от экономической несостоятельности и вполне подлежала реформированию, о чем свидетельствует опыт Китая. Но в данном случае речь не об этом, а о том, что события конца 1980-х – начала 1990-х гг. представляли собой революционную социально-экономическую и политическую трансформацию. Была разрушена одна модель управления и корпоративного менеджмента, на смену ей пришла другая, но не сразу и не вдруг. Так как чудес в экономике не бывает, период между двумя социально-экономическими моделями всегда имеет катастрофический или депрессивный характер. И это никак не свидетельство невозможности эффективного хозяйствования в Сибири, ведь аналогичная ситуация в той или иной мере произошла и в теплых районах бывшего СССР, и в большинстве стран Восточной Европы. Субсидии – это механизм, используемый и в рыночной экономике, и выдавать его за сущность советской экономической политики в Сибири некорректно.

Местами Ф. Хилл и К. Гэдди впадают в утопизм своих представлений незнания реалий современной России. В частности, они пишут: «Если прежде рядового россиянина приходилось гнать в Сибирь посредством системы ГУЛАГа или побуждать идти туда с помощью тщательно обдуманных призывов, льгот и субсидий, теперь, когда принуждение прекратилось, идея о Сибири как о российской судьбе становится идеологией, навязываемой сверху. *Здравый смысл и трезвый экономический анализ отодвинуты на второй план, а мифологизация и идеологизация Сибири выдвинуты на первый*» (с. 211. Курсив мой. – Ю. З.). Называть идеологией эпизодические высказывания ру-

ководителей страны – это значит выдавать муху за слона. Правящий режим в глазах населения деидеологизирован и не может выработать идеологию, способную объединить россиян в общность. Называть мифом печальную реальность о существовании России только за счет продажи ресурсов, расположенных в азиатской части страны, может либо дилетант, либо сознательный фальсификатор.

Следующей идеей, активно внедряемой в сознание читателя, является утверждение о нерациональном размещении промышленности в Сибири. Например, на с. 13 Ф. Хилл и К. Гэдди утверждают, что «люди и предприятия страдают от их нерационального размещения, осуществленного Госпланом СССР без учета действия рыночных сил. На такой основе Россия не сможет построить ни конкурентную рыночную экономику, ни нормальное демократическое общество». За прошедшие 20 лет в России большинство производств перешло в частные руки, и для их поддержки и санации государство не сделало ничего. Работают только рентабельные производства, каким образом они обеспечивают рентабельность – это вопрос другой. Исключение составляет ВАЗ, но он не расположен в северной или сибирской зонах. Поэтому утверждать, что проблемы с демократией в России – результат советской системы размещения промышленности, как минимум некорректно.

Ярким образчиком специфической формы подачи материала на эту тему является следующая цитата: «Мотивация развития специфических отраслей промышленности и расположения городов в Сибири и на Дальнем Востоке до сих пор остается по большей части загадкой; но рациональность, которую можно почерпнуть из советской документации по планированию, позволяет предположить, что было задействовано множество факторов. СССР стремился осваивать территорию и заселять ее людьми не потому, что это была Сибирь, а потому, что там имелись ресурсы: нефть, газ, алмазы, золото и другие ценные металлы» (с. 107). Важно, что это первый абзац раздела под названием «Сибирская промышленная утопия». Ничего загадочного в схеме размещения населенных пунктов в Сибири никто еще не увидел, и вот сделано открытие. Любопытно, что авторы в этом же предложении отвечают на этот «чрезвычайно сложный вопрос». Неужели есть исследователи, полагающие, что Сибирь была заселена потому, что она была Сибирью? Слово это, что ли, какое-то магическое? Кстати, что утопического в до сих пор относительно эффективно работающей и даже набирающей обороты сибирской промышленности? Я как сибиряк никаких утопий не вижу. Сибирская промышленность выжила в постсоветский период не благодаря, а вопреки руководству страны, проводившему тогда абсолютно утопическую политику. Но не по поддержке промышленности, а по ее разрушению.

Полным откровением для автора рецензии, более 10 лет преподававшего историю КПСС в университете, стало следующее высказывание: «Одним из самых курьезных идеологических обоснований промышленного планирования в Сибири была так называемая “доктрина Энгельса”» (с. 108). Развитие Сибири по Энгельсу – это нечто! Тем более общеизвестно, что после «творческого развития» марксизма Лениным и Сталиным высказывания классиков

использовались в СССР в основном в пропагандистских целях и в процессе псевдонаучных исследований. Руководство страны руководствовалось собственными доктринами, под которыми Маркс и Энгельс, можно предположить, навряд ли бы подписались.

Дальше вообще идет уникальная точка зрения, способная заставить радостно затрепетать сердца бывших партocrats. Ф. Хилл и К. Гэдди пишут, продолжая рассуждать, как в Сибири появлялись города (которые там уже были): «Дефицитными ресурсами были надежные и компетентные политические лидеры – первые секретари обкомов и райкомов компартии. Если город уже являлся центром ВПК, то рациональнее всего этот дефицитный ресурс размещать и использовать именно там, а не создавать предприятия ВПК в городах, где их ранее не было» (с. 130). Дефицит секретарей обкомов и райкомов партии – это нечто за гранью здравого смысла. Проблемы были во времена сталинских чисток, а затем (после войны), когда развернулось масштабное строительство в Сибири, этих кадров всегда хватало с избытком. А промышленные предприятия в СССР всегда строились с запланированной возможностью их быстрого перевода на производство оборонной промышленности.

Продолжая разработку этой темы, авторы на с. 132 привели список городов – крупнейших центров ВПК. В нем из 17 городов только пять сибирских. При этом следует помнить, что система ВПК была общесоюзной и в ней доля сибирских городов не превышала 10 %.

Особой оценки заслуживает пассаж Ф. Хилл и К. Гэдди, одним мазком описывающий все северные города: «Заселенный, индустриализированный Север – это прощальный дар ГУЛАГа современной России: ведь все эти города являлись либо бывшими трудовыми лагерями, либо конгломератами лагерей» (с. 150). Бывали ли авторы в северных городах и если бывали, то в каких, об этом не говорится. Но обобщение провокационное и ничем не подтвержденное. При этом не следует забывать, что количество заключенных в Сибири и сейчас не меньше чем в 1960–1980-е гг. А использование труда заключенных в современном Китае весьма масштабно и повседневно, но никто не называет китайскую экономику лагерной.

Среди ряда клише, щедро разбросанных по тексту книги, не последнее место занимает тезис о нерациональном распределении ресурсов. На с. 14 авторы пишут, что «с точки зрения современных приоритетов рыночной экономики, ретроспектива российской истории показывает, что преобладающей характерной чертой советского периода было *нерациональное распределение ресурсов*. Ресурсы (в том числе и ресурсы рабочей силы) с точки зрения экономической эффективности использовались неправильно. Система выдавала не те изделия. Ее предприятия изготавливали их не так, как это следовало бы делать. Она обучала людей не тем навыкам». Любые выводы делаются на основе сравнения. Если они сделаны в сравнении с передовыми экономиками Запада, то с ними в значительной мере можно согласиться. Но если сравнить советскую экономику последнего ее 20-летия с аналогичным постсоветским периодом, то выводы будут противоположными. И самое главное реальный

жизненный уровень и качество жизни большинства советских людей были принципиально выше, чем сейчас. То есть сама по себе рыночная экономика не панацея, требуется еще множество и иных факторов.

И на той же странице: «Хуже всего было то, что Госплан размещал предприятия и людей не в тех местах. Для страны с такой обширной территорией, особенно в отдаленных и холодных местах...». Действительно, правительство страны размещало ресурсодобывающие производства там, где имелась сырьевая база, а она в нашей стране, в основном, расположена в суровых регионах. Вторым резонансом являлись военно-стратегические интересы, которые ни в одной, даже самой рыночной стране, не рассматриваются с точки зрения рыночной целесообразности.

Ответственность за неправильное размещение промышленности Ф. Хилл и К. Гэдди возложили на во всем виноватых большевиков. Они пишут: «Именно большевики, а не цари, сформировали современную российскую экономическую географию. Там, в Сибири, где при монархии строились крепости, селения и небольшие города, советская власть стала создавать города-гиганты с численностью жителей свыше миллиона человек» (с. 15). «Заселение и индустриализация той Сибири, которую мы видим сегодня, были обусловлены множеством факторов и не были предопределены исторически» (с. 238) – пафосно пишут авторы. Конечно, это плохо, что Россия стала индустриальной державой, как было бы хорошо, если бы она до сих пор оставалась аграрной страной. Правда, маловероятно, что в этом случае она вообще сохранилась бы. Во-первых, индустриальным этапом для России явился XX век, и кто бы не был у власти, ему бы пришлось осваивать ресурсы для промышленности; а, во-вторых, при Советах на Урале и восточнее существовало только шесть городов-миллионников: Екатеринбург, Челябинск, Омск, Новосибирск, Уфа, Пермь, что для 220-миллионной страны – капля в море. К тому же они являлись центрами соответствующих регионов, что дополнительно стимулировало их развитие. Они – результат действия объективных процессов, а не политических химер.

Все предыдущие разработки проводились авторами с целью обоснования главной идеи работы – обезлюживания Сибири. Они пишут: «Основная проблема регионального развития в России – это *не* недостаточно развитая инфраструктура между этими городами, а то, что самих этих городов не должно было быть там, где они есть. Многие сибирские города – искусственные, нерационально расположенные города. Это – “потемкинские города”, если использовать старую метафору» (с. 222). Договорились! «Потемкинские деревни» строились на показ, для обмана, а сибирские – для дела. Причина в том, что крупные сибирские города, как кость в горле для авторов данного сочинения. Пока они в Сибири есть – это российская земля, а не ничейная.

В фантастическом мире Ф. Хилл и К. Гэдди белое превращается в черное, а достоинства в недостатки. То, что хорошо для любой страны, плохо для России. Эта мысль конкретизируется на с. 17: «Большой размер территории – серьезная помеха для развития, если не будут сокращены расстояния и расширены связи между населенными центрами и рынками». Вся история

цивилизации – это борьба человечества с расстоянием и временем. И человечество справляется с этими проблемами все более успешно. И в связи с истощением легкодоступных ресурсов уходить за ними приходится не только в северные районы, но и под землю, на воду и под нее. Бурение шельфов – ничуть не дешевле, чем добыча нефти в тайге и тундре.

В заключение второй главы книги (с. 39) авторы делают категоричный вывод: «Огромная по размеру территория России – это скорее не ее сила, а недостаток, который должен быть преодолен. Российская территория создает вполне конкретные проблемы для экономической конкурентоспособности и эффективности управления... Главная проблема заключается не просто в географическом размере России, но и в размещении людей на ее просторах; в том, к чему они близки и от чего далеки (рынки, маршруты связи и т. п.)». Что значит преодоление недостатка размера России? Уменьшение? Очень свежая мысль!

Пытаясь обосновать уникальность России, обусловившую ее необходимость очистить часть своей территории, Ф. Хилл и К. Гэдди нашли главную причину – холод. Третья глава «Сколько стоит холод?», целиком посвящена последствиям неблагоприятного влияния холодов на эффективность экономики Сибири. Обилие цифр не привносит ничего нового в этот общеизвестный факт. Настолько же известны недостатки избыточно жаркого, засушливого или влажного климата, последствий землетрясений, регулярных цунами и тайфунов, обрушивающихся на океанские побережья и затапливающих целые города, даже в США.

Эта проблема давно известна, и имеется достаточное количество технологий, минимизирующих последствия морозов. Важнее баланс между стоимостью и себестоимостью, и если он положителен, то ради чего длинные сопоставления и увещевания. Несмотря на все холода, Норильск за пределами рентабелен, и его ликвидация ничего кроме проблем и убытков стране и населению не принесет. Там работают частные высокоприбыльные компании, желающих жить и работать там предостаточно, и это не единственный пример. Малочисленные и нерентабельные населенные пункты – это проблема не только Сибири – это мировая проблема, поэтому использование ее в пользу аргументов необходимости обезлюживания региона, вряд ли корректно.

Дальнейший текст на двух страницах содержит в себе перечень ужасов, которые подстерегают человека на Севере: там все плохо и ничего нет. Апофеозом сюжета является ссылка на с. 147, что по данным «...Всемирного банка в 1995–1997 гг. Россия тратила целых 2–3 % своего годового ВВП на поддержку населения на Севере». Итак, трата 3 % ВВП на 7 % населения, в том числе пенсионеров, – что же здесь ужасного? Возникает вопрос: а сколько процентов ВВП производится на Севере? Даже не прибегая к статистике, для любого интересующегося экономикой ясно, что северяне себя многократно окупают. Совокупная производительность труда жителей Севера многократно выше тех же показателей на Северном Кавказе. Так в чем же проблема? Переселение жителей Севера на Юг принципиально осложнит эконо-

мическое положение России. Может быть, в этом и заключается цель авторов книги, столь глубоко обеспокоенных ситуацией в нашей стране?

Постоянно рассматриваемой Ф. Хилл и К. Гэдди темой является проблема удаленности крупных сибирских центров от рынков потребителей их продукции. Так ли это на самом деле? Большинство крупных сибирских и дальневосточных центров расположены на железнодорожных, водных и трубопроводных коммуникациях, позволяющих без особых затрат доставлять продукцию своим недалеко расположенным зарубежным партнерам (государства Средней Азии, Китай, Корея и Япония). Это расстояние значительно меньше тех, по которым они снабжаются с других районов мира. Постоянно происходящие количественные и качественные изменения транспортных коммуникаций объективно сокращают сроки и стоимость экспорта из Сибири и Дальнего Востока. Целесообразным ответом расстояниям является снижение в экспорте доли сырья и необработанных материалов. Современные деревообрабатывающие производства, изготовление профилей из алюминия, выработка электроэнергии и т. п. – данные производства и технологии молодны и малозависимы от климатических условий. Тем более, что лесозаготовки в зимних условиях в Сибири и на Дальнем Востоке не менее эффективны, чем летние, скорее наоборот.

С чем, безусловно, можно согласиться, так это с утверждением об отсутствии широких экономических связей между крупными сибирскими городами (с. 37). Здесь основной причиной является современная социально-политическая реальность, когда все властные и финансовые коммуникации идут через Москву. Но причиной этого недостатка являются не суровые климатические условия и большие расстояния, а имперская политика Центра. Налоговая политика выстроена так, что свободные ресурсы, дотации и инвестиции находятся только в Центре, а все остальные регионы выступают в виде просителей. Все это не способствует организации региональных бизнес-коммуникаций. Но в таком положении находятся не только северные, но и южные, теплые регионы.

Как уже показывалось, по мнению Ф. Хилл и К. Гэдди вся деятельность правительства страны по отношению к Сибири была ошибочной. Этот тезис рассмотрен в книге во многих проекциях. В частности, глава четвертая «География – выбор» посвящена обоснованию ошибочности продвижения российской территории на Восток. Несмотря на любую аргументацию, по моему мнению, в силе остается положение о целесообразности территории как незаменимого, неоскудевающего и постоянно дорожающего ресурса. Любопытно представить, насколько популярна была бы в США идея отказаться от Аляски под предлогом ее ненужности и затратности. Особенно забавно или издевательски звучит тезис об избыточности российской территории на фоне начинающейся борьбы за Арктику. Вот уж где холода и суровый климат, но все страны, даже не имеющие с ней границы, пытаются участвовать в ее разделе. Как же это сочетается с теорией, пропагандируемой авторами рассматриваемой книги? Очевидно, сокращение территории полезно только России.

Присоединение Сибири, по мнению авторов, было ужасной, но не последней ошибкой. Пятая глава называется весьма выразительно: «Сибирь – поле экспериментов и ошибок». И уже в первом абзаце провозглашается ее главный вывод – «...В 1970–1980-х годах чрезмерные издержки этой масштабной деятельности стали очевидными. Сегодняшней России приходится платить по этим счетам». Так и хочется спросить: кто за кого сегодня платит по счетам? Газ, нефть, руды, древесина и т. д. – это что, разорительно для России? Удивительно сочетаются в этой работе скрупулезность в доказывании общеизвестных или второстепенных положений и полная нелогичность основных выводов.

«Радетели за Россию» муссируют идею ошибочности индустриализации Сибири. В частности, в конце раздела с полемическим названием «Грандиозная ошибка» они пишут: «То, что попытка индустриализации Сибири была огромной ошибкой, не вызывает сомнений, если принять все сказанное по поводу уникального набора проблем, связанных с российскими размерами и холодом, в главах 2 и 3» (с. 114). У кого не вызывает сомнений? У самих авторов или у ряда исследователей, большинство из которых зарубежные? По их мнению, Сибирь должна была остаться землей редких аборигенов и диких зверей. Кто бы от этого выиграл? Уж точно не Россия. Ведь не зря авторы много говорили о ничейной земле, которую представляла Сибирь до освоения ее Российской Империей. Зато хорошо известно, как вольно браконьерствовали и спаивали местное население Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. американские промышленники, как дошли до Иркутска японские войска в 1918 г. Кто бы их остановил, будь Сибирь дикой территорией? Ведь и теперь периодически на самом высоком уровне в США звучат разговоры о «непосильной сибирской ноше для России».

Конечно, нельзя не согласиться с выводом авторов книги о том, что «правильной реакцией на это было бы применение технологий, позволяющих радикально сократить количество рабочих. Советские плановые структуры пошли другим путем. Они стремились сохранить сталинские методы массового притока дешевой рабочей силы и примитивнейшие технологии, чего невозможно добиться без принуждения» (с. 116). Но использование неверных технологий не отменяет главного – индустриализация Сибири была нужна стране и мировой экономике, ибо сейчас невозможно представить отечественное и мировое хозяйство без сибирских ресурсов. Поэтому, учтя ошибки прошлого, следует осуществлять не деиндустриализацию, а реиндустриализацию Сибири на основе передовых малолюдных, ресурсо- и энергомалопотребляющих технологий. Удорожание добычи природных ископаемых происходит по всему миру, и борьба с холодом становится все более малопроблемной.

Следует отдать должное Ф. Хилл и К. Гэдди в многообразии сюжетов, которые они используют для обоснования своей концепции. В частности, на с. 123 сказано: «В Советском Союзе граждане неизбежно становились членами второй по значимости для них (после семьи) общественной организации – предприятия. Таким образом, вместо принадлежности к постоянно расши-

ряющимся социальным системам, которые типичны для демократического общества, россияне в советскую эпоху были членами ряда очень небольших, преимущественно автономных социальных систем – семьи и трудового коллектива». Как будто та же ситуация в Японии помешала ей стать демократическим государством! Демократическое государство и демократическое общество – не идентичные понятия. Этот сюжет используется и для доказательства исключительно принудительного характера заселения Сибири. Хотя в 1960–1980-е гг. уехать из Сибири было не сложнее, чем туда приехать. И причина многократных призывов в регион в том и состояла, что большинство вновь приехавших возвращалось обратно. И за это не предусматривалось никакого наказания или ограничения.

Не могли авторы не рассмотреть проблему дефицита трудовых ресурсов. Они обвиняют советских плановиков в непрофессионализме, но и здесь, как мне представляется, не все однозначно. Проблема действительно оказалась непредсказуемой для руководства России в XX в., но это и не удивительно. Предсказать в начале века и во все последующие десятилетия две мировых и одну гражданскую войны, коллективизацию, сталинский террор и «беспредел» 1990-х гг. было объективно невозможно. А формирование долгосрочной стратегии во всех странах осуществляется на основе имеющихся ресурсов и господствующих трендов.

Процесс сокращения населения в России продолжается и в XXI в., но одновременно набирает обороты и ее форсированное заполнение эмигрантами. Меняются, таким образом, только источники рабочей силы, а не тенденции. В Сибири происходит не сокращение населения, а изменение его структуры в сторону вымывания славянской компоненты. И для предотвращения развития неблагоприятного сценария правительству России вновь придется проводить специальную политику в этом направлении.

Одним из естественных механизмов, поддерживающих эффективность рабочей силы в Сибири, является низкая продолжительность жизни ее населения. Количество пенсионеров в процентном отношении, в сравнении с другими районами страны, здесь минимально, а при правильно организованной политике их переселения в теплые регионы он будет еще более эффективным. Перспективным представляется широкое развитие вахтового метода. Только людей следует завозить не из теплых регионов, а из сибирских крупных городов, ибо это гарантирует их эффективную адаптацию, а исходя из ограниченной продолжительности «вахты», и более высокую производительность труда.

На с. 119 Ф. Хилл и К. Гэдди в качестве доказательства своей концепции «краха индустриализации Сибири» указывают на сокращение роста численности населения региона в 1980-е гг. Это не так, на самом деле рост продолжался до 1992–1993 гг., и причина его прекращения – в развале СССР. Был разрушен народно-хозяйственный комплекс страны, и потребность в продукции, производимой в Сибири, стала сокращаться, а через это началось сокращение числа рабочих мест. Люди уезжали из-за безработицы, а не от холода и неустройства. К тому же образование новых независимых государств на

руинах Союза привело к оттоку нероссийского населения на свою историческую родину. Это объективные социально-политические процессы, а не свидетельство неуспеха сибирского проекта.

Большое внимание авторы книги уделяют проблеме соотношения плотности населения и роли больших городов (глава 2). Сравнивая американскую и российскую структуру городских поселений, авторы демонстрируют, что и мегаполисов в России меньше, и сами они меньше. Отсюда следует совет – ориентировать политику на создание мегаполисов в южных районах страны. При этом в качестве рецепта предлагается ликвидировать крупные города в Сибири и создать их в теплых районах страны. Возникает вопрос: зачем ликвидировать крупные города в Сибири, если они наиболее успешны, и численность их населения либо сократилась незначительно, либо сохранилась и даже увеличилась?

Ф. Хилл и К. Гэдди установили планку урбанизационной целесообразности в миллион, подчеркивая, что таких городов в России недостаточно. Для России при сокращающемся населении – это крайне сложная задача. Вместе с тем в мире и в нашей стране имеется положительный опыт функционирования городских агломераций, которые в значительной степени совмещают в себе достоинства мегаполиса и небольших городов. В частности, таким примером является так называемый «Черембайк», где вдоль Транссиба и федеральной дороги «Московский тракт», идущих параллельно, на расстоянии порядка 200 км проживает 1,5 млн человек. Понятие «удаленность» относительно, оно зависит от обеспеченности скоростным и всепогодным транспортом. Агломерация позволяет не только предоставить разнообразные и в достаточном количестве рабочие места, но и организовать зеленые зоны и аграрные предприятия, обеспечивающие население продовольствием.

Большим вопросом для авторов книги является существование в Сибири крупных городов. Говоря об ошибочности курса советского руководства на послевоенное форсированное строительство сибирских городов, Ф. Хилл и К. Гэдди, приводят на с. 88 таблицу 3-3, свидетельствующую о росте их населения до конца советского периода. Но уже на следующей странице заявляют: «Это были те самые города, чей рост завершился к 1970-м годам», настаивая на своем тезисе о ненужности и неподъемности развития урбанизационной сети в Сибири. А затем делают вывод о том, что «результаты этой деятельности по строительству гигантских городов восточнее Урала – с последующим переселением туда советских людей – и обусловили возникновение одной из самых больших проблем, с которыми сталкивается Россия сегодня». Относительно самых больших российских проблем, проистекающих от больших сибирских городов, оставим на совести авторов книги. Но известно, что уровень жизни в этих городах выше, чем в среднем по стране.

Ну а далее, как это им свойственно, следует категорический, неизвестно из чего вытекающий вывод: «Хотя и в царские времена допускались некоторые ошибки в планировании административных центров и городов, их масштабность не шла ни в какое сравнение с теми *монументальными* ошибками, которые сопровождали освоение Сибири при советском режиме» (с. 89). Об-

щеизвестны и признаваемы проблемы с моногородами, но они создавались по всей стране, а не только в Сибири. Во-вторых, как раз в 1980-е гг. и начался переход к формированию территориально-производственных комплексов, объединяющих их на основе современных технологий в малоотходных производствах с замкнутыми циклами производства и водопотребления. Здесь как раз тот случай, когда «не хватило времени». Да ведь и на Западе проблема моногородов существует и сегодня, а ведь они, в отличие от нас, последние 20 лет развиваются в нормальном режиме.

В первой главе книги Ф. Хилл и К. Гэдди убедительно доказывали, что крупные города лучше средних и малых, и что проблема России – в преобладании малых и средних городов. Но на с. 153 они пишут: «Как говорилось ранее, истинная российская проблема с холодным климатом (при наличии экономической активности в очень холодных местах) не в том, что численность населения самых северных городов велика (она мала), а в том, что эти города в регионах Западной Сибири и на Урале *слишком велики*». Как это понять? Так велики или малы, и что плохо, что они малы или велики?

Зайдя в тупик в обосновании необходимости искусственного стимулирования мобильности сибиряков, авторы переходят к следующему рецепту очистки территории Сибири. В разделе «Дилемма мобильности: сжатие» они пишут: «Острой проблемой являются огромные города, жители которых исчисляются несколькими сотнями тысяч или даже перевалили за миллион, – такие как Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и Иркутск. Все они – главные негативные вкладчики в ТДН. Как мы уже не раз говорили в этой книге, их следует уменьшить. Многим из их жителей следовало бы переехать в западную часть страны, чтобы облегчить бремя российской экономики» (с. 176). Действительно, авторы говорят об этом не раз, поэтому понимаешь, что именно крупные сибирские города раздражают их больше всего.

Однако, по признанию Ф. Хилл и К. Гэдди, население указанных городов так не считает, да и сами они предполагают, что вмешиваться в эти процессы нельзя. Они заявляют: «В крупных городах тенденции к избавлению от большого количества своих жителей и уменьшению не наблюдается. Уменьшение на деле обернется колоссальной проблемой для России, несмотря на то, что оно так необходимо для будущего российской экономики» (с. 176). Такая трогательная забота о будущем России и ее экономики, тем более что будущее современной модели мировой экономики сейчас находится под большим вопросом!

Авторы в разделе «Постоянство городов» констатируют на мировых и российских примерах факт устойчивости крупных городов (с. 181–183). Тем самым признается объективность и правомерность существования крупных сибирских городов. Но вывод вновь парадоксален с точки зрения здравого смысла, но логичен с точки зрения их политической ангажированности. Они пишут: «Те два факта, что крупные города не склонны сами по себе уменьшаться и что крупным советским городам никогда не позволялось уменьшаться или останавливаться в своем росте даже тогда, когда это было нужно, – неблагоприятны для современной России, которой желательно уменьшить в

размерах некоторые крупные города, чтобы отвечать тенденциям глобальной экономики» (с. 183). Тенденция роста и появления крупных городов, существующая в других странах, по мнению авторов, не должна действовать на территории Сибири, но как это не прискорбно, она действует.

Поэтому, несмотря на все попытки обосновать свою идею о сокращении численности населения больших сибирских городов, последовало тяжелое признание авторов: «Итак, хотя мы и выступаем за уменьшение городов, это, скорее всего, будет для России почти неразрешимой задачей» (с. 191). Кажется бы, вопрос закрыт, но нет, и уже на следующей странице Ф. Хилл и К. Гэдди пишут: «Если не будет признана необходимость уменьшения размеров городов на востоке, соблазн продолжать рассматривать Сибирь как основу экономического развития России только усилится. Это худший сценарий развития. Несмотря на очевидную нехватку финансовых и людских ресурсов для большинства намеченных планов, государство продолжает политику возврата к освоению и заселению Сибири и Дальнего Востока. Такая деятельность обрекает страну на повторный цикл нерационального использования ресурсов» (с. 192). «Россия не сможет быстро добиться настоящей экономической интеграции с Европой, продолжая при этом сохранять и субсидировать гигантские города в Сибири. В этом смысле россиянам придется изменить свою ментальную географию одновременно с принципами заселения и экономической деятельности и прекратить поиск технократических решений, которые, на их взгляд, могли бы сделать ситуацию, сложившуюся в экономической географии “России самосознания”, более приемлемой» (с. 224). Итак, это нецелесообразно, нерентабельно, невозможно, но надо. Железная логика. Чисто по известной поговорке «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Окончание статьи в следующем номере журнала.

Prejudged View of Industrialization in Siberia. Part I

Yu. A. Zuliar

Irkutsk State University, Irkutsk

In the article the review of the Hill A. and Gaddy K.'s book "Siberian burden. Miscalculations of soviet planning and Russia's future" is given. The most disputable sections, assertions and presented conclusions are considered.

Key words: USSR, Russia, Siberia, Far East, Russian North, industrialization and system of expansion of Russian Eastern regions, Russian Eastern regions future.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, и. о. декана исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: uazulyar@yandex.ru

Zuliar Yuriy Anatolievich – Doctor of Historical Science, Professor, acting Dean of the faculty of History, the Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: uazulyar@yandex.ru